

Юрий Колкер

ИЗ КНИГИ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Стихи

1972 - 1978

+ + +

Подумать, как переменился мир!
 Закончен мой литературный пир.
 Зачем он был? Его я проклинаю,
 И с ним - себя, и чем я жив, не знаю.

Будь проклят, поэтический запой!
 Я душу чудом уберёг с тобой.
 Душа спала, когда стихи писались
 И совести как будто не касались.

Но прочь и ты, агония моя!
 Что ненависть? Нелепая статья.
 Не спать, не есть - что толку ненавидеть
 Себя? - Мне этой пасти не насытить.

Гляди, Левиафан! Твой взгляд остыр.
 Поблажкой почёл бы я костёр.
 Ты, зверь минувшего! глотни - вот пытка -
 Двадцатилетней выдержки напитка.

26.02.73

I

Ты слышишь, как воды шумят
 В дождливое лето.
 Ты видишь, как годы летят, -
 И празднуешь это.

Над жизнью твоей беда
 Гнезда не свивает,
 Любовь не свивает гнезда,
 И слёз не бывает.

Над жизнью твоей, с тобой,
 Стопою бесшумной
 Проходит воздушной тропой
 Твой ангел бездумный.

Он видит над жизнью твоей
Намокшие крыши,
Чердак, где сидит воробей,
Оконные ниши,

Антенны, торчащие вкось.
Он шествует мимо,
Твой ангел, промежий насквозь
И серый от дыма.

Он медлит... Но птица висит,
И небо светлеет,
И ты не торопишь визит,
И он не посмеет...

1975

4

Настурции нежные листики,
Покачиваясь без конца,
Любителям эквилибристики
Показывают чудеса.

Невнятной косой паутинкой
Застыла на лицах у них
Улыбка танцовщицы тонкая,
Когда амфитеатр затих.

Качайтесь, слегка балансируя,
В поклоны вмешайте слова,
Француженки, нежно грацируя
В печальном своём пурпуре.

Танцовщица, пафос движения
И лёгкость свою объясни!
Натурщица, боль и смятение
На миг от меня заслони!

30.06.72

Л. ФУКШАНСКОМУ

Птица летит высоко,
Реет, едва различима.
В небо идёт глубоко
Струйка белёсого дыма.

Скоро наступит весна.
Сердце щемит от признания.
Нас извещает она:
Это анонс, обещанье.

Нету яснее письма:
Белая, с чёрной головкой.
Сладить не может зима
С этой весенней уловкой.

Острого чувства крыла,
Участи птичьей не зная,
Знаю, как ей тяжела
Лёгкость её неземная.

Белая, как молоко,
Голодом пьяная, мимо
Птица летит высоко, ~~в~~,
Перистым небом хранима.

29.01.76

В саду, на узком островке
Со свитком знания в руке,
С лавровой веткой нездешней
Сибилла Либика стоит
И тяжко на море глядит,
Не пряча муки безутешной.

Сибилла Либика, скетчи

В своём спокойствии осеннем;
 Зачем не слышино ветерка,
 Зачем не движется река,
 Вода не плещет по ступеням?

Сибилла Либика, спроси,
 С какими силами в связи
 Душа осеннего покоя -
 Того, что стынет над рекой:
 Спроси Того, кто сам покой,
 Кто племя пеструет людское.

Вода недвижная лежит,
 Слеза холодная бежит
 С её ланит, вопросу вторя.
 Залив, ведущий в океан,
 Едва синеет сквозь туман,
 Не видя слёз, не зная горя.

26.II.74

8

Веди, ни о чём не жалея,
 Туда, где светлеет река
 И тянется жизнь веселее
 И гибель и вечность близка.

Веди, точно тему простую,
 В свою полусветлую мглу
 Под эту иглу золотую -
 Под эту стальную иглу.

Веди, я не чувствую боли,
 Как если б уже отжилось, -
 В пространства без мысли и воли,
 Где грусть отпустила и злость...

27.08.75

IO

НА СМЕРТЬ ПОСТА

Этот слог оттого и аляпист,
Что однажды, проснуться не дав,
Нас уводит из жизни анапест,
Улыбаясь и плача в рукав.

И в домах — никакой перемены.
Показным равнодушием злят
Соучастники таинства — стены,
Излучая ушедшего взгляд.

Объясни мне, какую известность
Мы спешим обеспечить судьбой,
Если ангелы, нежность и честность,
На земле неразлучны с тобой?

— Если завтра меня не разбудит
Крик стрижка, залетевший в окно,
Не подумай, что счастья не будет:
Будет строже и проще оно.

7.08.72

IZ

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАЙКА

Осеннее небо дежит
В разводах, с причудливой лепкой.
Последняя чайка кружит
Над стынившей Малою Невкой.

Последняя чайка парит,
Висит над ларьком, над трамваем,
Щемящим простором дарит
Нас — прошлое мы забываем.

— Послушайся ветра, прощай,
Лети, возвращайся в апреле
За корюшкой, в призрачный край,
На скучные невские мели,

Крылом опиши полуокруг,
 Кивни мне головкою чёрной.
 Послушайся ветра, мой друг,
 Оставь этот берег просторный!

1973

15

Он под вечер садится за письменный стол
 И в окно угловое глядит.
 За окном открывается труб частокол,
 И большая ворона сидит.

Птица тоже как-будто косит на него,
 Но не взглядом, сводящим с ума:
 Нет, не ворон Эдгара, всего ничего,
 Городская ворона, кума.

Он бросает на прошлое мысленный взор -
 Заурядное, в целом, житьё:
 Неудачи, удачи... Он смотрит в упор
 На беду - и не видит её.

То и страшно, что в фокусе вечно не то,
 Что бедою не стыдно назвать.
 Отвлекаясь, подводные съёмки Кусто
 Начинает герой вспоминать,

Тот неверный, невнятный, расплывшийся мир,
 Где поверхность уже не видна,
 Слух слабеет, теряется ориентир,
 Да и жизни другая цена.

И пока его мысль подбирает слова,
 Сквозь хандру пробиваясь с трудом,
 Цепенеют деревья, спадает листва,
 И вода покрывается льдом.

20.10.74

Нельзя сказать, от поминутной злобы
Или от нескончаемой тоски
Мерещутся ему крюки и скобы,
Крюки и скобы, скобы и крюки.

Он со стола сметает на пол крошки
И смотрит в угол, где снуют в пыли
Различные задвижки и заложки,
Щеколды, шпингалеты, костили.

Прохожие, как рыбы в водёме,
Ему навстречу разевают рты -
Он ничего не различает, кроме
Крюка в стене, крюка и пустоты.

Он вглядывается, как в сны цветные,
В спешащий человеческий поток -
И видятся ему крюки стальные,
Надёжно вёрнутые в потолок.

30.01.75

17

Восседает Смердис на троне,
головой касается неба,
Вокруг него проворные слуги,
вокруг него послушные жёны.
Что-то мне не уснуть сегодня,
говорю я, и свет включаю.
Со стола, из немытой чашки,
равнодушно взлетает муха.

Муха бродит по карте мира,
засиделась в Карибском море,
Задержалась почистить лапки
меж Гренландией и Канадой.
Восседает Смердис на троне,
говорю я себе, зевая
В коммунальном сыром сортире,
и локтём упираюсь в стёну.

Совершив круиз по Европе,
возвращается мужа в чашку.
Что-то мне не уснуть сегодня,
говоря я, свет выключая.
Чуть поскрипывает лежанка,
барабанит дождь по карнизу.
Восседает Смердис на троне,
головой касается неба.

12.10.74

18

Этот город, короткий дневник
Наших судеб, их честный двойник,
Точный слепок, -
В кровь, и в пот, и в сознанье проник -
И, как спирт неразбавленный, крепок.

Этот город... Чуть брезжит звезда,
Строчка вкось уползает с листа,
Плещет Мойка...
Оглянуться назад - от стыда
Осипаются годы, как слойка.

Жил не так и писал ты не так,
И в себе обманулся, простак.
Был ты болен
Честолюбием, дел на пятак
Совершив, был собою доволен.

Где стихи? что ты значишь без них?
Даром ходишь, подняв воротник,
Зря взмолнован:
Этот город, твой частный дневник,
Не прочитан и не расшифрован.

Даром ты подколёсную грязь
Месишь: с веком потеряна связь -
Вот мученье!
А беда, что с тобою стряслась,
Неважна, не имеет значения.

Полусвет-получьма наших северных дней
 От Невы в недалёком соседстве -
 Сколько ветра и слякоти, вод и камней,
 Сколько горечи в этом наследстве!

Это наша судьба, обмануться нельзя:
 Виден дворик из кухонной форточки,
 По октябрьскому льду ты ступаешь, скользя,
 Оглянувшись, минуты задворки.

Разве не был я счастлив и ты не была,
 Разве помнишь о прожитом часе,
 Если воды и камни, стихи и дела,
 Всё - судьбы неразрывные связи?

19.10.73

Бледная моя петербуржанка!
 Осениают твой недолгий век
 Счастья невесёлого изнанка,
 Холод, одиночество и снег.

Что-то мы поделаем с тобою
 Здесь, над застывающей водой,
 С болью подступающей, тупою,
 С памятью чугунной, витой?

Хлюпающей кашецией покрыта,
 Набережная пустым-пуста.
 Что ещё насепчет нам Киприда
 Ночью у Литейного моста?

21.10.73

Всё повторится. Повторяется
 Всё: узнаётся без труда
 И с прежним опытом сверяется
 Моя искрящая звезда.

Всё повторится в мире, скованном
Оцеплением людским,
В людском раю запатентованном,
Под утлым небом городским.

99

И уж не с тем ли чайка мечется
Над человеческим жильём,
Чтоб мог порыв в очеловечиться
В ничтожном опыте моём?

Но лишь у мысли птичьи навыки:
Сама собой увлечена,
В Афинах, Гавре и Рейкьявике
Равно прокормится она.

1973

34

Три воды обегают вокруг островка,
Друг от дружки родясь чередой,
И Лебяжья канавка, мелка и узка,
Протянулась четвёртой водой.

Три строки набегают, четвёртой строкой
Замыкаясь в единстве своём.
Три беды возникают, с протокой-тоской
Образуя один водоём.

Три беды вытекают одна из другой,
И торопится внучка-река
Нас волню настичь, обогнуть и петлёй
Захлестнуть, чтоб умолкла строка.

4.II.74

35

Друг мой, неси эту тяжесть сама,
Я не способен, сдаюсь.
Слабость и ненависть сводят с ума -
Вот мой священный союз.

Знаю, ты слабость любила во мне
/ненависть - новый дружок/.
Страх земноводный ползёт по спине,
Дрожь, идиотский смешок.

Думай, что знаешь, люби не люби,
Только сними эту боль,
От накопленья железа в крови,
Хочешь не хочешь, уволь.

Жалко, что жалостен твой идиот,
Жалко, что бьёт его дрожь.
Волк одинокий ко мне не идёт,
Я - одинокая вошь.

1976

40

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Возьми любые девять дней -
Они тот месяц заслонят,
Те девять встреч... но всё ясней
Черты былого проступают.

Всё - от снимания чулок
До пауз, до сигареты -
Я вижу... Алигьери, где ты?
Твой эд не страшен, ужас плох.

Как эта женщина легка,
Легка, стройна, неуязвима!
Как эта падь дальеках
Как боль моя невыразима!

Не уверяй, что это ты
Была - поверить невозможно.
Неряшлива и суматошна
Судьба... Не хватит доброты.

Вот жизнь моя и смерть моя,
Полубнявшись, как подруги,
Стоят, соединили руки

ПОСЛЕДНИЙ НАРОДОВОЛЕЦ

Памяти Л.К.

Мальчишка, поэт и скиталец,
 От счастья волнуясь слегка,
 Кладёт указательный палец
 На тонкое тело курка.

За веру - счастливое свойство -
 И ясный мальчишеский лоб
 Ему выпадает геройство
 И смерти весёлый саноб.

Французских наслушавшись басен,
 Неапольским солнцем облит,
 Не знал он, что подвиг напрасен
 И будет так скоро забыт.

Балтийское море дымилось,
 Сияло, текло на закат,
 Но что-то во мне надломилось,
 И я говорю невпопад...

28.05.72

60

Плачь, мой город: я был тебе сыном.
 Да, не лучшим, но всё-таки был.
 По дворам твоим и магазинам,
 Вдоль каналов и речек бродил.

Жил надеждой, просвета не видя,
 Ждал успеха, обиды терпя.
 Я вживался в тебя, ненавидя,
 Проклиная, но втайне - любя.

Ты, неслыханным прошлым украшен,
 С бутафорской честью в уме, -
 До чего же спесив ты и страшен,
 Полупьяный, в словесном деръме.

Ты, эклектик, культурой ошпарен
 И стихом захлебнулся, хрюня.
 Да, ты немец, но втайне - татарин.
 Отвяжись, ненавижу тебя.

Двести лет надышаться не можем,
 Дышим смрадом болот
 Над гранитным твердеющим ложем -
 Жёлтый пар петербургской зимы.

29.08.77

36

.....

Поэзия, тебе служить
 Хотел я жизнью всей -
 Но жизни нет, и нечем жить,
 И нет к тебе путей.

Покой, твоих прозрачных вод
 Взыскал так рано я -
 Но нет тебя, разрушен грот,
 Отравлена струя.

Смерть, я тебя не стал бы звать
 В свои былье дни -
 Но не на кого уповать:
 Хоть ты не обмани.

7.II.77

63

Вынуто маховое перо,
 Некуда нам с тобою лететь.
 Даром ты смотришь в душу остро,
 Муза: твоя наперсница - смерть.

18.II.74

-----oo0oo-----